

★ ПОКЛОН ПОБЕДИТЕЛЯМ ★



Анатолий Митяев

ШЕСТОЙ- НЕПОЛНЫЙ

Л

Поклон победителям

Анатолий Митяев

Шестой-неполный (сборник)

Издательство «Детская литература»

2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-31

Митяев А. В.

Шестой-неполный (сборник) / А. В. Митяев — Издательство
«Детская литература», 2008 — (Поклон победителям)

ISBN 978-5-08-005384-9

В книгу вошли рассказы известного детского писателя Анатолия Митяева (1924–2008) о суровых буднях наших солдат во время Великой Отечественной войны. Книга выходит в серии «Поклон победителям», выпуск которой приурочен к празднованию 70-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-31

ISBN 978-5-08-005384-9

© Митяев А. В., 2008
© Издательство «Детская
литература», 2008

Содержание

Землянка	6
Самовар	9
Куриная слепота	13
Пыль	16
Иван и фрицы	19
Шестой-неполный	22
Длинное ружьё	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27



Анатолий Митяев

Шестой-неполный (сборник)

© Митяев А. В., наследники, 2010

© Юдин В. В., иллюстрации, 2002

© Рытман О. Б., иллюстрация на переплете, 2015

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015

Землянка



Всю ночь артиллерийский дивизион мчался по шоссе к фронту. Было морозно. Луна освещала редкие лесочки и поля по краям дороги. Снежная пыль клубилась за автомобилями, оседала на бортах, покрывала наростами чехлы пушек. Солдаты, дремавшие в кузове под брезентом, прятали лица в колючие воротники шинелей, прижимались плотнее друг к другу.

В одном автомобиле ехал солдат Митя Корнев. Ему было восемнадцать лет, и он ещё не видел фронта. Это непростое дело: днём быть в тёплой городской казарме далеко от войны, а ночью оказаться на фронте среди морозных снегов.

Ночь выдалась тихая: не стреляли пушки, не взрывались снаряды, не горели ракеты в небе.

Поэтому Митя не думал о сражениях. А думал он о том, как могут люди всю зиму пробыть в полях и лесах, где нет даже плохонькой избушки, чтобы отогреться и переночевать! Это тревожило его. Ему казалось, он непременно теперь замёрзнет.

Наступил рассвет. Дивизион свернул с шоссе, проехал полем и остановился на опушке соснового бора. Автомобили один за другим медленно пробирались между деревьями. Солдаты бежали за ними, подталкивая их, если колёса буксовали. Когда в посветлевшем небе появился немецкий самолёт-разведчик, все машины и пушки стояли под соснами. Сосны укрыли их от вражеского лётчика мохнатыми ветками.

К солдатам пришёл старшина. Он сказал, что дивизион будет стоять тут не меньше недели и надо строить землянки.

Мите Корневу поручили самое простое дело: очистить площадку от снега. Снег был глубокий. На лопату Мите попадали шишки, опавшая хвоя, зелёные, будто летом, листики брусники. Когда Митя задевал лопатой землю, лопата скользила по ней, как по камню.

«Как же в такой каменной земле копать яму?» – думал Митя.



Тут пришёл солдат с киркой. Он долбил в земле канавки. Ещё один солдат всаживал в канавку лом и, налегая на него, отковыривал большие заледеневшие куски. Под этими кусками, как мякиш под жёсткой коркой, был рыхлый песок.

Старшина ходил и глядел, всё ли делается правильно.

– Не кидай песок далеко, – сказал он Мите Корневу. – Пролетит фашистский разведчик, увидит в белом лесу жёлтые квадраты, вызовет по радио бомбардировщиков...

Когда широкая и длинная яма стала Мите по пояс, в середине прокопали канаву – проход. По обе стороны от прохода получились нары. У краёв поставили столбы, на них прибили бревно. Вместе с другими солдатами Митя рубил жёрдочки. Их клали одним концом на бревно, другим на землю – так же, как делают шалаш. Потом их закидали еловыми ветками, на ветки положили мёрзлые земляные глыбы, глыбы засыпали песком и для маскировки припорошили снегом.

– Иди за дровами, – сказал старшина Мите Корневу, – наготовь побольше. Чуешь, мороз крепчает! Да руби только ольху и берёзу: они и сырые хорошо горят...

Митя рубил дрова, а его товарищи в это время застелили нары мелкими еловыми ветками, прикатали в землянку железную бочку. В бочке было две дыры – одна снизу, чтобы класть дрова, другая сверху, для трубы. Трубу сделали из пустых консервных банок. Чтобы не было видно ночью огня, на трубе укрепили козырёк.

Первый фронтовой день Мити Корнева прошёл быстро. Стемнело. Мороз усилился. Снег скрипел под ногами часовых. Сосны стояли будто окаменевшие. В синем стеклянном небе мерцали звёзды. А в землянке было тепло. Жарко горели ольховые дрова в железной бочке. Только иней на плащ-палатке, которой завесили вход в землянку, напоминал о лютном холоде. Солдаты расстелили шинели, под головы положили вещевые мешки, укрылись шинелями и уснули.

«До чего же хорошо спать в землянке!» – подумал Митя Корнев и тоже уснул.

Но спать солдатам пришлось мало. Дивизиону было приказано немедленно отправиться на другой участок фронта: там начались тяжёлые бои. В небе ещё дрожали ночные звёзды, когда автомобили с пушками стали выезжать из леса.

Дивизион мчался по шоссе. Клубилась снежная пыль за автомобилями и пушками. В кузовах на ящиках со снарядами сидели солдаты. Они прижимались друг к другу потеснее и прятали в колючие воротники шинелей лица, чтобы не так жгло морозом.

Самовар

Всю зиму шли упорные бои. И наконец, ближе к весне, фашисты не выдержали, отступили.

Митя Корнев толком ещё не знал, что происходит. Он с удивлением и радостью смотрел, как в сторону вражеских позиций устремились наши солдаты. Бежали пехотинцы, сапёры, связисты с катушками. По следу, умятому танками, заторопились сани с боеприпасами, полевые кухни. В несколько минут обжитые за зиму траншеи, землянки и блиндажи опустели. Только Митин дивизион оставался на месте: орудия били вдогонку фашистам.



Но вот и они кончили стрелять. Из укрытий разом выехали автомобили-тягачи. Артиллеристы прицепили к ним орудия, побросали в кузова пожитки, забрались сами. Митя тоже хотел влезть в кузов автомобиля. Но тут подошёл старшина. Он протянул Мите вещевой мешок и сказал:

– Вот тебе, Корнев, продукты. Останешься охранять снаряды. Всё нам не увезти. Дня через три приедем за ними и за тобой.

И дивизион уехал.

Всё произошло так быстро, так неожиданно, что Митя не сразу понял, в каком он оказался положении.



Оставшись один, Митя пересчитал ящики, окрашенные для маскировки известью, поправил, чтобы лежали ровно. А больше делать было нечего. Митя ходил возле снарядов. Прислушивался. Всмотривался.

Но никакого движения не было вокруг, и не было никаких звуков. Стояла мёртвая тишина. Люди ушли в наступление. А птицы и звери скрылись из этих мест ещё раньше. Бомбы и снаряды падали здесь так густо, что изломали и посекали каждое дерево в лесу. От сосен остались одни разодранные пеньки – высокие, выше человека. В наступающих сумерках остатки деревьев казались фантастическими существами. Они тянули во все стороны изломанные щепки и будто жаловались Мите на свою горькую судьбу. Митя смотрел на них, и на сердце у него становилось всё тревожнее.

Стемнело. Митя забрался в блиндаж. Хозяева увезли печку и лампу. Митя ощупью отыскал лежанку, сгрёб к стене солому и лёг, устроив под голову мешок с продуктами. Автомат положил рядом. Тепло из блиндажа ушло. Вместе с ночным холодом стали к Мите подбираться страхи.

«Что, если подкрадутся фашисты? – думал Митя. – А может быть, придёт волк-людоед? Вот сейчас заскребётся лапами в дверь... Дверь тонкая... И запора нет...» Мите захотелось вскочить, выстрелить в дверь длинной очередью из автомата. Но он не вскочил, заставил себя лежать. И так, лёжа, дождался других мыслей: о том, что он солдат, бояться ему не полагается. Он не просто ночует в блиндаже, он охраняет склад боеприпасов, и горе тому, кто попытается их взорвать или выкрасть. «Пора на пост!» – сказал себе Митя. После этих слов он встал, поставил автомат на боевой взвод и открыл дверь.

Ночь не была чёрной, как казалось в блиндаже. Она была серая. Слабый свет шёл от снега. В этом сером свете Митя разглядел штабель ящиков со снарядами. Медленным шагом он несколько раз обошёл его и вернулся. «Теперь спать!» – приказал себе Митя. Натянул поглубже шапку, свернулся калачиком, подоткнул полы шинели, чтобы было потеплее. Но в холоде и одиночестве сон никак не шёл. Митя чуточку задремал.

Утром, отогревшись у костра и пожевав сухарей, Митя отправился искать печку. «Иначе замёрзну, – думал он. – Хоть какая-нибудь плохонькая печурочка должна остаться. Столько народу жило всю зиму...»

Митя лазил по блиндажам и землянкам. Много всякой всячины ему попадалось. Он нашёл лампу, сделанную из снарядной гильзы, нашлись даже концентраты пшённой каши, а печки не было. Кто же оставит такое сокровище в зимнюю пору! Но вдруг в полуобвалившейся землянке, куда Митя и заглядывать не собирался, но почему-то заглянул, он увидел самовар. Медный самовар был огромный и круглый. Он стоял на сосновой чурочке на четырёх широких, как у породистой собаки, лапах. Ручка короткого крана была затейливая, похожая на цифру восемь, на восьмёрке сидело множество маленьких колечек и завитушек. Сверху на самоваре была конфорка с узорными вырезами – точно царская корона. Это был царь-самовар. От такой находки Мите стало весело. С концентратами за пазухой, с лампой под мышкой, с самоваром на плече он отправился к себе.

Пост был в полном порядке. Митя занялся устройством своих дел. Сначала развёл большой костёр, чтобы нажечь для самовара угли. Потом принялся вырезать ножом дно консервных банок. Пустых банок было много, и скоро, втыкая одну в другую, Митя собрал длинную трубу. Ещё нужно было добыть воду. Митя набил снегом котелок, повесил его над костром. Пока снег таял, он принёс из блиндажа горсть песка, тряпицу и начал драить свою находку.

Медь хорошо отчищалась, самовар засиял. В красном самоварном боку Митя увидел своё лицо – с толстенным носом, с приплюснутым лбом и подбородком, с расплывшимися в стороны щеками. Митя подмигнул своему отражению, и рожа на самоваре ответила чудной, весёлой гримасой.



«Ничего, жить можно!» – подумал Митя.

В блиндаже с самоваром стало уютно, а когда Митя разжёл его, пошло тепло. И уж совсем согрелся Митя после чая. Напиться вдоволь настоящего самоварного чая – на войне такое не каждому удаётся! Прохаживаясь у снарядов, Митя всё посматривал на блиндаж, на трубу, из которой поднимался сизый дымок. Ночью дыма не стало видно. Зато стали видны искорки, они летели вверх красными мошками.

И на следующую ночь Митя тоже долго не засыпал, тоже думал. Но мысли были спокойные, не тревожные, не страшные. Он представил себе людей, которые в мирное время сидели за самоваром. Наверное, это была большая семья. Мать с отцом, дети, бабушка с дедушкой. На столе у них стояли всякие вкусные вещи: баранки, лепёшки, варенье, конфеты... И над этой вкуснотой, над чашками и блюдами возвышался самовар. Потом напали фашисты. Хозяин самовара, конечно, пошёл на войну. А куда делись мать с детьми, бабушка с дедушкой? Ушли от фронта. Самовар оставили – вон он какой! Понеси-ка его... Пехотинцы, к которым он попал, тоже не понесли. Ясное дело – им жалко было с ним расставаться. Но ничего не поделаешь – у пехоты груза и так много: винтовка, патроны, гранаты, противогаз, лопатка... Так рассуждал про себя Митя и незаметно уснул.



Три дня, обещанные старшиной, прошли. Но за снарядами и за Митей всё не ехали. «Верно, далеко погнали фашистов, – догадывался Митя. – Да ведь без снарядов как гнать их? Ну ничего. Подожду. Теперь ждать можно».

Однажды, это было на шестой день, самовар вдруг запел. В его горячей середине послышалось тонкое жужжание со звоночками. Крошечные звоночки с каждой минутой звонили всё звонче, всё чаще. Скоро отдельные звуки слились в один – будто загудела дудочка. Митя вспомнил шутивную примету: самовар поёт к дороге. И правда, в этот день приехали машины.

Митины товарищи, как погрузили снаряды, стали пить чай. Кто заваривал в кружке берёзовую веточку, кто подгоревший сухарик. И все хлопали самовар по круглым бокам, будто благодарили за доставленное удовольствие.

Митя устроил себе место в грузовике среди ящиков. Уселся там удобно и положил ещё тёплый самовар на колени. Так он и вёз его до своего дивизиона.

Куриная слепота

Митин товарищ, ефрейтор Савкин, взял в плен танкиста. Савкин лежал под фашистским танком, подбитым на ничейной полосе, наблюдал в бинокль, откуда бьют вражеские пулемёты. В это время фашист и приполз к танку. Видно, хотел узнать, какие повреждения у машины, чтобы потом увезти её к себе. Ефрейтор подпустил фашиста метров на десять, отбросил стволом автомата маскировку и сказал: «Хенде хох!»¹ Немец метнулся было в сторону, но тут же сообразил, что бежать бесполезно, и, стоя на коленях, поднял руки.



Савкин привёл пленного в расположение дивизиона. Командир похвалил ефрейтора, порадовался его удаче и приказал доставить немца на допрос в штаб бригады. Савкин под танком лежал весь день с утра, промёрз, проголодался. Дальше вести пленного поручили Мите Корневу.

До штаба было километра три. Дорога шла лесом.

Митя шагал за фашистом. Ствол Митиногo автомата смотрел в спину врага. А глаза Мити смотрели на природу. Начиналась весна. Зелени, правда, ещё не было, но и снега уже не было. Берёзы стояли тихие, торжественные – ждали встречи с настоящим теплом. Митя сорвал почку. Коричневая почка была как бы опутана зелёной ниткой. Это чешуйки начали расходиться, потихоньку освобождая листок.

Наступили сумерки. Похолодало. Берёзы стали строгие, почти зимние. Сумерки сгустились быстро, словно спешили спрятать деревья от заморозка. До штаба бригады было ещё далеко, как вдруг всё затянулось тёмной мглой. Ничего не стало видно: ни пленного, ни белых

¹ Руки вверх! (нем.)

берёз. «Странный вечер», – подумал Митя и споткнулся о кочку. Он потёр глаза ладонью, но на них будто была пелена.

Слух Мити напрягся. Он услышал гулкие удары сердца в груди. И ещё услышал, как шагает немец, тыча сапогами в сырую дорогу. Шаги были мерные, без сбоя. «Значит, – подумал Митя, – немец видит, куда наступает. Он не спотыкается, как я. Что же у меня с глазами? Неужели ослеп? Это куриная слепота наступила».

Митя испугался. Ему вспомнились солдаты, у которых была куриная слепота. Днём они видели хорошо. А как заходило солнце, их собирали из окопов, с огневых позиций, и они, беспомощные, держа друг друга за хлястики шинелей, шли за зрячим солдатом-поводырём. Шли подальше от передовой, в безопасное место. Ночью они не могли воевать.

Тревожные мысли пронеслись в Митиной голове.

«Если фашист убежит, что скажу командиру? Ладно – убежит, а если убьёт кого-нибудь нашего по дороге, взорвёт что-нибудь? Приказать ему лечь? И ждать, когда кто-нибудь пойдёт по дороге? Фашист может догадаться, что я не вижу».

Тут – то ли дорога стала твёрже, то ли пленный ушёл далеко – шаги стали едва различимы. Митя прибавил скорости, зашпешил, нога попала в яму, и он чуть не упал. Тогда, с досады или с отчаяния, Митя неожиданно для самого себя вдруг крикнул:

– Капут Гитлер?²

– Гитлер капут³, – согласился вблизи немец.

Голос у него был спокойный.

«Не догадывается, – понял Митя. – Пока не догадывается».

Шагов через пятьдесят Митя опять спросил:

– Капут Гитлер?

– Гитлер капут, – отозвался немец. На этот раз сердито: дескать, что спрашивать, и так всё ясно.

Мите стало как-то неловко, вроде бы стыдно за такой однообразный несерьёзный разговор. Но других немецких слов он не знал и скоро опять задал надоевший пленному вопрос. Что было делать? По голосу пленного Митя определял, где тот находится, и проверял себя – не сбивается ли с дороги. Когда Митя, проглотив слюну, снова приготовился к вопросу, немец сам высокомерным тоном сказал:

– Капут, капут. Гитлер капут.

Он решил, что молодой конвоир, по виду совсем подросток, таким глупым образом со скуки развлекает себя.

«Считай себя умным, меня считай глупым, – думал Митя, – я потерплю». Новая забота одолевала его – не пройти штаб бригады. Штаб располагался в лесу метрах в двухстах от основной дороги. Как найти развилку?

На счастье, у развилки на ночь выставляли патрульных. Когда раздался окрик: «Стой, кто идёт?» – Митя даже вздрогнул от радости.

– Свои! – закричал он. Тут же поправился: – Свой и немец! – И заговорил горячо, торопливо, боясь, что патрульный не дослушает, уйдёт: – Пленного в штаб веду. А глаза не видят. Ты уж проводи нас. Боюсь упустить фашиста, побежит – мне не видно. Куриная слепота у меня.

– Ясно, – сказал патрульный. – А я-то думаю: чего это идут двое и один орёт как заводной: «Гитлер капут!»?

Патрульный взял Митю за руку, сказал пленному: «Дуй вперёд!» – да с такой интонацией, что фашист его понял, и все трое зашагали к штабу.

² Конец Гитлеру? (нем.)

³ Гитлеру конец (нем.).

Утром Митя опять стал видеть хорошо. Он пришёл в свой дивизион, когда начинался завтрак. На этот раз у походной кухни рядом с поваром стоял санитарный инструктор. И прежде надо было протянуть ему ложку, а потом уже котелок повару. Санитарный инструктор каждому наливал в ложку густую жидкость из бутылки и требовал, чтобы артиллерист её тут же пил.

– Что это такое? – спросил Митя, когда подошла его очередь. – Рыбий жир? Рыбий жир я не люблю, – стал отказываться Митя.

– Пейте, Корнев, без разговоров! – рассердился санитарный инструктор. – Если бы я раньше начал давать это лекарство, вам не пришлось бы вчера маяться с пленным. У вас в организме нет нужного витамина, вот и нарушилось зрение.

Митя выпил, облизал ложку.

– Спасибо, – сказал он инструктору.

– На здоровье! – ответил тот.

И правда, Митя Корнев через несколько дней стал здоров. Он мог сражаться с фашистами не только днём, но и после захода солнца – в любое время суток.

Пыль

Колёса да солдатские ноги истёрли землю на просёлке в мелкую пыль. Пылью было покрыто всё вокруг: и трава, и кусты, и кузнечики.

Рядовой Митя Корнев ехал в грузовике рядом с шофёром. Кабина у них была щелястая, брезентовая – на железные тогда не хватало металла, – и пыль в ней стояла, что называется, столбом. Митя мечтал, как доберутся они до своего дивизиона, как вытрясут гимнастёрки, умоются водой.

Ехать оставалось немного. Но вдруг спереди хлопнуло. Грузовик осел, словно охромел. Спустило колесо.

Минут за тридцать шофёр и Митя сделали что нужно. Проверили другие колёса. Можно было ехать. И тут Митя увидел: у него на гимнастёрке висит только ленточка от медали, сама медаль – серебряный кружок с надписью «За отвагу» – потерялась.

– Я медаль обронил, – сказал Митя.

– Как обронил? – удивился шофёр. – Когда?

– Наверно, когда колесо чинили...

– Найдём, – сказал шофёр.

Он встал у колеса на колени, запустил руки по самые локти в горячую пыль и принялся там шарить.

У другого колеса склонился Митя.

– Чего, славяне, ищите? Не деньги ли? Найду – половина мне.

Рядом с грузовиком остановилась повозка. Ездовой, не дождавшись ответа, спрыгнул. Со стороны могло показаться, что в дорогу ударил снаряд – такой смерч пыли поднялся.

– Медаль потерялась, – признался Митя, – «За отвагу».

– Дело серьёзное, – сказал ездовой.

Он бросил в повозку кнут и тоже стал разгребать пыль.

Искали втроём, пока не засигналила полуторка. Повозка мешала ей проехать. В полуторке на госпитальных матрасах сидели санитарки. Чтобы не запылить волосы, они убрали их под пилотки и были похожи на мальчиков.

– Братишки! Что это вы, как куры, роетесь? – спросила маленькая санитарка, и подружки засмеялись.

Ездовой поднялся от колеса. Отводя лошадь, объяснил:

– Этот вот медаль потерял.

– Ну?! – охнули санитарки хором.

Когда полуторка тронулась, маленькая санитарка крикнула Мите:

– Эх ты! Тебя к нам в госпиталь на лечение надо!



Уехала полуторка. Уехал ездовой на лошади. Но дорога на то и дорога, чтобы шли по ней и ехали. С грузовиком поравнялось отделение сапёров. Начальником был пожилой старшина. Нос у него как свеколка. Даже напудренный пылью, нос светился красным.

– Гайку потеряли? – спросил участливо старшина. – Ничего, без одной доедете.

– Гайку бы ладно, – ответил шофёр, – медаль...

– Растяпы! – рассердился старшина. – Учить вас некому!

– Может, миноискателем поищите? – попросил Митя.

– А чего! – согласился один сапёр и начал пристраивать на голове наушники. – Только машину подальше отгоните. В ней вон сколько железа, в наушниках будет пищать – оглохнешь.

Митя очень обрадовался. Шофёр полез в кабину заводить. Но красноносый старшина скомандовал:

– Отставить поиск! Стройся! Шагом марш!

И сапёры ушли.

Митя так и сел у колеса. От обиды сами собой покатались слёзы. «Ну что за человек? – думал Митя. – Чего стоило помочь?»

Он не слышал, как старшина на ходу объяснял сапёрам:

– Машину нельзя трогать. Так хоть видно, где медаль могла упасть. Вот они, все четыре колеса, как в песне поётся... А миноискателем медаль не найдёшь: на дороге и гайки, и гвозди, и болты, и пули, и осколки, ещё пуговицы солдатские...

К грузовику в это время подъехала казачья разведка. Хотя и жара – на казаках шапки-кубанки. Брюки у рядовых как у генералов, с лампасами. На ремнях шашки, пистолеты, за спиной автоматы. И у каждого разведчика полна грудь орденов и медалей. Блестят – казакам пыль не пыль.

Всадники приостановили коней. Один наклонился с седла к Мите:

– Что пригорюнился? Кто обидел?

Мите было стыдно объяснять. Да ведь спрашивают.

– Медаль обронил. Вот уж час ищем...

– Козлов! – крикнули из середины взвода. – У тебя медалей полно. Дай им одну.

– Не дам, – сказал серьёзно разведчик. – Свою не уберегли – чужую подавно посеют.

Казаки тронули коней. Взвод окутался пылью, как облаком, и с этим облаком исчез за поворотом.

Подъехал повар на полевой кухне. Из трубы сочился дымок. В котле за железной стенкой пыхтела и ухала каша. Повар был молодой, Митин ровесник.

– Да я бы, – говорил он, – если бы получил медаль, уж берёг бы... После войны пойдёшь по улице с медалью – всякий скажет: «Этот не трусил перед фашистами». А мне награду получить негде. Я всё время с кашей. Ты, – утешал он Митю, – не горюй. Ещё получишь. И даже орден. У вас, артиллеристов, есть где получить. Ты уж извини, что не помогаю искать. Роту кормить надо. Я бы и кашки вам положил, да нельзя в такой пыли котёл открыть...

– Чего там... – сказал Митя, тронутый участием, и крепко пожал повару на прощание руку. – Всё! – решил он, когда кухня уехала. – Не найти.

Митя сел на подножку грузовика. Шофёр сел рядом. Они думали об одном: пора ехать. В дивизионе уже беспокоятся. А медаль найти просто невозможно. Ничего не поделаешь. У многих людей бывает несчастье. Теперь несчастье случилось у Мити. Шофёр пошёл на обочину, сорвал колючий кустик и стал сбивать пыль с брюк. У Мити и на такое лёгкое дело не было сил. Тут подкатил «козёл» – коротенький автомобильчик с брезентовым верхом. Он затормозил около грузовика, да так лихо, что пыль, которая крутилась за ним, улетела вперёд. «Козёл» как бы обманул её. Откинулась дверца, выглянул лейтенант:

– Почему стоите? Горючее кончилось?

Митя вскочил с подножки:

– Горючее есть, товарищ лейтенант. Сейчас поедem. Медаль искали. Потерялась, когда колесо чинили.

– Нашли? – спросил лейтенант.

– Никак нет, – ответил Митя.

– Искать снова. И найти! Даю пятнадцать минут сроку. – Лейтенант посмотрел на часы, потом на Митю, захлопнул дверцу, и «козёл», рванувшись с места, умчался.

– Разве поискать ещё? – неуверенно сказал Митя.

– Ищем пятнадцать минут, – согласился шофёр, – как велел лейтенант.

И они снова принялись прощупывать пыль у колёс. Пыль была такая сухая, такая лёгкая, что текла между пальцами. В щепотку взять её было невозможно. В горсти она ничего не весила, горсть была словно пустой. И вдруг Мите показалось, что в руке есть что-то тяжёлое. Он медленно разжал пальцы, пыль сбежала с ладони, а на ладони, на самой её середине, лежал серебряный кружок.

– Нашёл! Нашёл! Нашёл! – закричал Митя и принялся наподдавать пыль сапогами.

– Да стой ты, – обрадовался шофёр, – ну-ка покажи!

Они долго разглядывали медаль, как в тот день, когда Мите вручили её за отвагу при отражении атаки немецких танков.

Иван и фрицы

Митя Корнев с тех пор, как пошёл на войну, воевал всё время в лесах да полях... За три лета и три зимы ни разу не ночевал под тёплой крышей. И вот теперь в первый раз оказался в городе. Не в простом – в Берлине, в столице фашистской Германии.

Небо над Берлином было дымное, пыльное. Солнце едва проглядывало сквозь снарядный дым и кирпичную пыль. Не переставая грохотало, гремело. Взрывались снаряды, бомбы.

Митя Корнев никак не мог привыкнуть к войне в городе. Укрывать пушки тут надо было по-особому: не за кустом, не за пригорком – за горами кирпича, за углами домов.

Однажды пришлось даже втаскивать пушку в какой-то склад через пролом в стене и стрелять сквозь узкое окошко, как через амбразуру. И надо было всё время глядеть в оба: с крыши или из какого-нибудь окна фашисты могли пустить автоматную очередь по артиллеристам. Позади наших орудий стоял наполовину обвалившийся дом. Возможно, в нём прятался, дожидаясь момента, враг.

– Вот что, Корнев, – сказал Мите командир взвода, – огляди-ка это строение изнутри. Оно что-то мне не нравится...

Митя рассовал по карманам гранаты, поставил автомат на боевой взвод и пошёл выполнять приказ. По обрушенным лестницам, по пустым квартирам ходил, таясь, стараясь ничем не зашуметь. Но, как всегда бывает, если не хочешь зашуметь, обязательно наткнёшься на что-либо. Так и Митя – зацепил ногой железный прут, торчавший из стены: кирпичная глыба, примыкавшая к лестнице, вдруг рухнула, с грохотом свалилась с верхнего этажа вниз. И снова всё стало спокойно в разрушенном доме. Только с улицы и с небес шёл несмолкаемый гул войны.

Издавив чердак и убедившись, что дом покинут всеми, Митя Корнев спустился вниз. И тут вдруг ему почудились какие-то другие звуки – совсем необычные для этих дней. Они шли, приглушённые и неясные, из-под груды вещей, сваленных в подъезде. Митя прислушался: звуки повторились. Были они слабые и такие жалобные, что сердце у него дрогнуло в предчувствии чего-то необычного и важного.

Закинув автомат за спину, он отбросил верхние узлы и увидел пещерку среди вещей. В ней, прижавшись друг к другу, лежали трое ребятшек – два совсем маленькие, года по четыре, третий лет семи. Худенькие, как тростинки. В сумраке подъезда были видны их бледные, осунувшиеся личики. Тот, что постарше, мгновенно вскочил, оттолкнув маленьких, и поднял руки вверх.

– Ты что? – проговорил Митя. Но слова у него не получились, застряли в горле. Так было ему обидно, досадно и горько, так было жалко несчастных мальчишек. – Опустите руки, – сказал он, на этот раз внятно, спокойно, и легонько тронул старшего.

Митя взял на руки маленьких. Кивнул старшему, чтобы не отставал. Зашагал, оглядая кучи щебня, к орудиям.

Артиллеристы стояли у пушек, насторожённо смотрели вдоль улицы, уходившей в дымную, пыльную даль.

– Глядите-ка, Митька фрицев привёл! Трёх сразу! – воскликнул наводчик Митиной пушки.



Все оглянулись. Командир взвода, снова прикинув к прицелу, нетерпеливо выкрикнул: – Корнев! Молодец! Пять минут срока – укрыть детей. Да понадежнее...

– Митька, за домом через улицу есть ещё обвалившийся дом. Там в подвале полно мирных немцев. Тащи ребят туда, – посоветовал наводчик.

Митя уже намеревался перейти улицу, как по ближнему столбу щёлкнуло и заныла, отскочив рикошетом, пуля. Был бы Митя один, он бы прошмыгнул через улицу. А теперь он был не один. Маленькие успокоились и пригреблись у него на руках, старший тоже поверил в его доброту, уже не раз на ходу брался ручонкой за его брюки. «Придёт русский Иван, – пугали фашисты берлинцев, – всем будет смерть». Митя и не догадывался, что старший, таясь под вещами, рисовал себе русского Ивана зубастым страшилищем, обросшим волосами.

В ближнем переулке взревел и мерно заработал танковый мотор. Митя поспешил туда. Танк выпускал густой дым. Люки были открыты. Спереди из узкой щели смотрел на Митю чумазый водитель, из башенного люка – командир танка, усатый грузин, с большим горбатым носом. Опасаясь, что танк уйдёт сейчас, Митя взмолился:

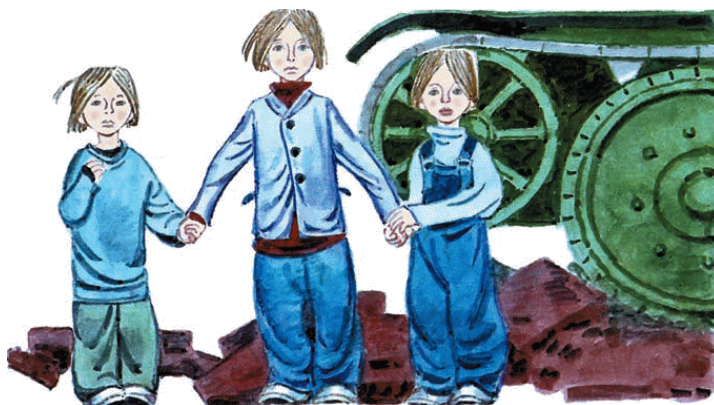
– Привет танкистам от артиллерии! Перевезите ребят на ту сторону. Снайпер, собака, стреляет вдоль улицы.

– Давай! – Командир танка улыбнулся так, что усы поднялись вверх, и протянул руки, чтобы принять детишек.

– Иван! Плёхо! Плёхо! – вдруг закричал старший мальчик и обнял Митины сапоги. – Иван! Иван! – повторял он, пока рыдания не заглушили слов.

Маленькие с двух сторон обхватили Митину шею руками, и Митя почувствовал на своих щеках их беззвучные слёзы.

– Бояться! Меня бояться... – сказал танкист. Со страшной злостью он сплюнул в сторону. – Ну, я им покажу нынче!.. – И стал вылезать из люка. – Лезь с ними, – сказал он Мите, – вези. И дай хлеба. И консервы дай. Они около водителя, в вещевом мешке. А этим я покажу нынче! До Гитлера доберусь! Что наделали, что наделали со своими детьми!



...Митя кричал по-русски у подвала, чтобы вышли, забрали ребят. Потом кричал по-немецки мальчик. Напуганные грохотом подошедшего танка, немцы долго не показывались. Наконец осмелились. Из-за тяжёлых дверей выглянули несколько женщин. Ребятишки стояли, взявшись за руки, между ними и танком. Пока танк не уехал.

Шестой-неполный

Войны ещё не было. Но предвоенный год уже начался. Предчувствуя грозное время, рабочие на заводах делали танки и орудия; в пекарнях для солдат сушили ржаные сухари, а в школах мальчишки и девчонки учились перевязывать раненых.

В те дни Саша Ефремов выбирал себе работу. Он кончил учиться в школе, и ему надо было за что-то браться.

«Пусть будет у нас много оружия, – рассуждал Саша, – много продовольствия и много лекарств для раненых. Но разве победим мы врага, если у нас будет мало командиров? Пойду я в военное училище».

Он так и сделал – поступил в училище, где учили на командиров-артиллеристов.

Саша был маленького роста. Многие считали, что с таким ростом нельзя быть командиром. Даже Сашина мама, когда собирала сына в училище, сказала:

– Ты подумай ещё раз. Может быть, тебе какое-нибудь другое дело выбрать? Уж очень ты мал.

В училище Саше не могли найти гимнастёрку по росту. Переменил он их множество, но каждый раз рукава были ниже пальцев. Новые Сашины друзья за час обмундировались с головы до ног: надели пилотки, гимнастёрки, брюки, кирзовые сапоги. А Саше пришлось ещё день носить свою гражданскую одежду, пока училищный портной не укоротил гимнастёрку и не перешил брюки.

Этот день показался Саше длинным, как неделя. Его отделение маршировало по плацу, чистило пушку, изучало устройство винтовки, метало гранаты, а он в это время сидел в казарме. Ведь в кепке, вельветовой курточке, брюках навыпуск и сандалиях нельзя встать в военный строй!

Но вот вечером портной принёс форму. Саша аккуратно сложил её на тумбочке и спокойно уснул.

Утром нового дня по сигналу «Подъём!» Саша мигом вскочил с кровати и ровно за две минуты, как полагается военным людям, оделся и стал в строй.

Отделение построилось двумя шеренгами. Справа, на правом фланге, стояли высокорослые, слева, на левом фланге, – те, кто поменьше, и самым крайним был самый маленький Саша.

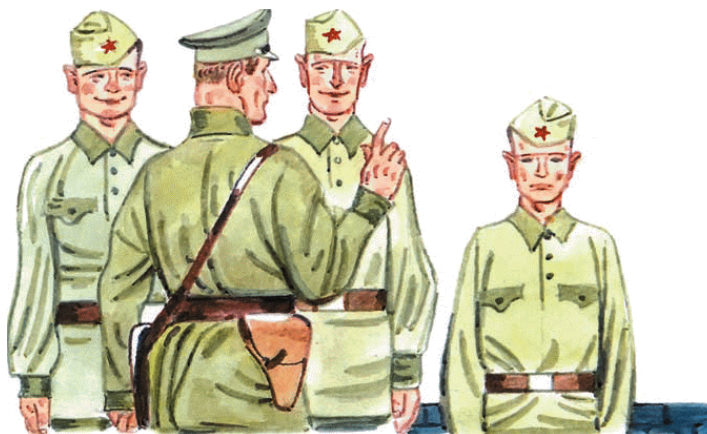
Командир отделения скомандовал:

– По порядку номеров рассчитайсь!..

– Первый! Второй! Третий! Четвёртый! Пятый! – выкрикивали курсанты.

Очередь дошла до Саши.

– Шестой! – громко крикнул он.



– Отставить! – недовольно скомандовал командир отделения. – Курсант Ефремов! Вам надо говорить: «Шестой-неполный».

Тут всё отделение захохотало, да так весело и дружно, что маленький Саша покраснел от смущения.

– Отставить смех! – строго скомандовал командир и объяснил, когда добавляется слово «неполный»: у Саши не было пары, за ним никого не было во второй шеренге. – Вот представьте себе, – говорил командир, – ночь, гремит бой, отделению надо перейти на другую позицию. Построились мы, рассчитались по порядку номеров. В темноте никого не видно, только голоса слышны. Чтобы узнать, сколько нас собралось, я последнюю цифру умножу на два, потому что две шеренги. И может случиться, как у нас сейчас: у последнего пары нет. Если он не скажет «неполный», все мы будем думать, что нас на одного больше, чем есть на самом деле. – Командир помолчал немного и, поглядывая на тех, кто смеялся громче других, добавил: – Ни по росту, ни по цвету глаз не определишь, у кого сердце настоящего командира. Это только в бою видно.

Дни военного 1941 года шли один за другим. Настало лето. В садах наливалась соком вишня. У скворцов подрастали птенцы. Цвела пшеница, и, когда дул ветер, над зелено-синими полями летели облачка жёлтой пыльцы.

Саша Ефремов и его товарищи жили теперь в брезентовых палатках на опушке леса – в военном лагере. Курсанты поднимались на заре и учились артиллерийскому делу до тёмной ночи. Артиллерийская наука мудрёная. Времени же до начала войны оставалось совсем мало.

И вот война началась. Все курсанты училища, и Саша тоже, в тот же день подали рапорты начальнику училища. В рапортах они просили отправить их на фронт, чтобы сражаться с фашистами. Начальник не обрадовался, но и не рассердился. Он созвал курсантов и сказал, что их время ещё не подошло. Бои с врагом ведут обученные части, а курсантам ещё надо учиться.

– Все рапорты я возвращаю, – сказал старый командир. – Между прочим, мой рапорт командование тоже вернуло мне. Подождём месяца три-четыре. Закончим учебную программу, тогда и повоюем.

Однако ждать пришлось совсем мало. Немецкие танки и мотопехота прорвали нашу оборону и прошли в наш тыл.

Сначала на близкий теперь фронт уехали из училища тракторы-тягачи. Их отдали артиллерийскому полку, машины которого были подбиты в бою. А потом пришёл приказ выступить на фронт всему училищу.

В августе ночи тёмные. Правда, небо всё в звёздах, но на земле ничего не видно – одна чернота. В такую ночь Саша с товарищами выступил на фронт. Пушки везли на лошадях. И снаряды на лошадях. Поскрипывали колёса повозок, лошади фыркали, и больше никаких звуков не было. Редкие команды отдавались вполголоса. Где-то очень близко затаился враг.

Саша шагал за повозкой, которую тащил конь Зайчик. В мирное время серый Зайчик возил капусту и картошку на курсантскую кухню. Теперь он вёз снаряды на фронт. Его хозяином, или, как говорят в армии, ездовым, был Саша. Саша-то готовился стрелять по фашистским танкам из пушки, а ему приказали возить снаряды.

«Всё из-за роста!» – думал Саша.

Военный человек не имеет права долго огорчаться. Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Саша понемногу успокоился. Без снаряда танка не подобиёшь – значит, его дело тоже важное. А конь ему достался просто замечательный: старательный, понятливый, вовсе не трусливый. Когда низко над колонной пролетел фашистский самолёт-разведчик, другие лошади рванулись с дороги к обочинам, а Зайчик как шёл, так и продолжал идти.

Перед самым рассветом курсанты подошли к фронту. Они поставили на место пушки, принялись копать укрытия. Товарищи помогли Саше снять снаряды с повозки.

И он на Зайчике отправился за новым грузом.

Ехать надо было к железной дороге, где она проходит через лес. Ночью паровоз подтащил в то место вагоны со снарядами, патронами и гранатами.

К вагонам съехалось много грузовиков и повозок из других частей. Пока не рассвело, пока не налетели фашистские бомбардировщики, надо было увезти весь боезапас. Саша нагнул свою повозку, похлопал Зайчика по шее, и Зайчик тронулся в обратный путь.

Как только солнце поднялось над краем земли, началось сражение. В одну минуту утренняя тишина сменилась грозным грохотом. Гудели и земля и небо. В небе шли самолёты – то чужие, то наши. На земле громыхали танки, взрывались бомбы и снаряды. В орудийном грохоте Саша различал голоса своих противотанковых пушек. Они били отрывисто, с сухим звоном...

– Стреляйте, стреляйте, голубушки! – шептал Саша, будто пушки были живыми существами и могли слышать его. – Стреляйте, не жалейте снарядов. Мы с Зайчиком привезём вам сколько надо.

Саша и Зайчик проехали лес. Начали спускаться в ложбину, чтобы потом подняться на бугор: за бугром и стояли пушки. До них оставалось километра два, не больше.

В ложбине было сыро. Колёса, окованные железными полосками, глубоко вдавливались в землю. Чтобы помочь Зайчику, Саша сзади налегал плечом на повозку. Верно, поэтому он увидел фашистских автоматчиков, только когда те с разных сторон открыли стрельбу. Это были вражеские разведчики. Саша отбежал от повозки, лёг за кочку и стал стрелять из своего карабина – винтовки с коротким стволом. Он стрелял туда, откуда раздавались автоматные очереди, но скоро у него кончились патроны.

Враги ждали этого. Они хотели взять Сашу в плен. Автоматчиков было десять. Они сразу поднялись из травы и со всех сторон двинулись к повозке. В серо-зелёных мундирах с засученными рукавами, в касках – из-под них смотрели словно не человеческие, стеклянные глаза.

– Рус! Плен, плен! – кричал один фашист.

Саша тоже поднялся с земли, подошёл к повозке. Он был совсем спокоен – паренёк-командир, у которого не было войска, а был только Зайчик.

Саша выпряг Зайчика, замотал повод уздечки, чтобы он не волочился по земле и чтобы конь не наступил на него, погладил Зайчика по шее, потом хлопнул ладонью по крупу и тихо проговорил:

– Беги, Зайчик...

Конь переступил на месте, но не двинулся. Он чувствовал, что пришла беда. Уши его насторожённо поворачивались, тёплые ноздри втягивали луговой воздух, к запаху которого примешивался запах врага.



– Да беги же!.. – прошептал Саша.

И Зайчик побежал. Он пробежал недалеко от немца. Тот повёл автоматом в сторону лошади, но не выстрелил: то ли пожалел, то ли потому, что Зайчик вдруг остановился. Конь повернул голову и смотрел на своего ездового, будто звал его бежать вместе на бугор, к своим пушкам.

А Саша, распорядившись конём, должен был распорядиться теперь армейским имуществом: снарядами, повозкой, карабином. И собой он должен был распорядиться. Как и полагается командиру, он принял решение мгновенно. Это решение сделало бы честь любому артиллеристу, у которого перед лицом врага не было пушки, а были только снаряды.

Фашисты, все десять, уже подошли к Саше. Когда их руки готовы были схватить артиллериста, он поднял над повозкой снаряд и ударил им по другим снарядам.

Тысячи осколков засвистели над травами. Подхлестнутый этим свистом, Зайчик поскакал по лугу. От быстрого бега вокруг Зайчика образовался ветер. Ветер развевал гриву и хвост, бил в глаза и ноздри. Ветер пахнул пороховым дымом, раскалённым железом, сгоревшей землёй. Этот запах шёл от бугра, за которым били пушки. Он шёл и из ложбины, где славно закончил свой первый и последний бой артиллерийский командир.

Длинное ружьё

Глеб Ермолаев пошёл на войну добровольцем. По своей доброй воле он подал заявление в военкомат и просил поскорее отправить его на фронт – сражаться с фашистами. Глебу не было восемнадцати лет. Он мог бы пожить ещё дома полгода или годик – с мамой и сёстрами. Но фашисты наступали, а наши войска отступали; в такое опасное время, считал Глеб, нельзя медлить, надо идти на войну.

Как все молодые солдаты, Глеб хотел попасть в разведку. Он мечтал пробираться в тыл врага, брать там «языков». Однако в стрелковом взводе, куда он прибыл с пополнением, ему сказали, что будет он бронебойщиком. Глеб надеялся получить пистолет, кинжал, компас и бинокль – снаряжение разведчика, а ему дали ПТР, противотанковое ружьё, тяжёлое, длинное, нескладное.

Солдат был молод, но понимал, как это плохо, если не любишь вверенное тебе оружие. Глеб пошёл к командиру взвода, лейтенанту с не очень хорошей фамилией Кривозуб, и всё рассказал начистоту.

Лейтенант Кривозуб был старше солдата всего на три года. Волосы у него были чёрные, кудрявые, лицо смуглое, а рот полон белых ровных зубов.

– Так, значит, в разведку? – переспросил лейтенант и, улыбнувшись, показал свои прекрасные зубы. – Я сам о разведке думаю. Давай переименуем стрелковый взвод в разведвзвод и все махнём в тыл к фашистам. Я, – сказал Кривозуб шёпотом, – давно бы это сделал, да вот никак не могу сообразить, кто вместо нас будет оборонять этот участок. Ты, случайно, не знаешь?

– Не знаю, – тоже шёпотом ответил Глеб.

Он обиделся на лейтенанта за такой разговор и покраснел от обиды.

– Смелые люди нужны не только в разведке, – сказал лейтенант, помолчав. – Нелёгкое дело досталось тебе, солдат Ермолаев. Ох какое нелёгкое! Ты со своим ПТРом будешь сидеть в самом переднем окопе. И ты непременно подобьёшь танк врага. Иначе он подойдёт к траншее, где обороняется взвод, и всех передавит гусеницами. Пока у нас тихо, с вами, новичками, займётся опытный бронебойщик. Потом помощника получишь. Ты – первый номер в расчёте, он будет вторым. Иди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.